

Научная статья

УДК 882

DOI 10.25205/2307-1753-2023-2-373-386

**Образ новой женщины
в романе Леонида Леонова «Дорога на Океан»
в гендерном освещении**

Людмила Павловна Якимова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
literaturovedy_ifl@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7484-5020>

Аннотация

Одно из главных произведений Л. Леонова «Дорога на Океан» рассматривается как в контексте поэтико-стилевых исканий писателя, так и глубокого интереса его к сдвигам, происходящим в интеллектуально-психологическом мире нового человека, в том числе в характере отношений мужчины и женщины. В гендерном аспекте исследуются разные типы женского поведения – от маскулинизации женского облика до признания неотменимых ценностей Бытия и душевных качеств, свойственных человеку с библейских времен и связанных с непреходящей памятью о райском саде.

Ключевые слова

Леонид Леонов, «Дорога на Океан», гендерный аспект, женские образы, типы женского поведения, подтекст, аллюзии райского сада, мотив «библейской парочки»

Для цитирования

Якимова Л. П. Образ новой женщины в романе Леонида Леонова «Дорога на Океан» в гендерном освещении // Критика и семиотика. 2023. № 2. С. 373–386. DOI 10.25205/2307-1753-2023-2-373-386

© Якимова Л. П., 2023

The Image of the New Woman in Leonid Leonov's Novel "The Road to the Ocean"

Lyudmila P. Yakimova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
literaturovedy_ifl@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7484-5020>

Abstract

One of L. Leonov's main works, *The Road to the Ocean*, is considered both in the context of the writer's poetic and stylistic searches, and his deep interest in the shifts taking place in the intellectual and psychological world of a new person, including in the nature of the relationship between a man and a woman. In the gender aspect, different types of female behavior are investigated – from the masculinization of the female appearance to the recognition of the irrevocable values of Being and spiritual qualities inherent in a person since biblical times and associated with the enduring memory of the Garden of Eden.

Keywords

Leonid Leonov, "The Road to the Ocean", gender aspect, female images, types of female behavior, subtext, allusions of the Garden of Eden, the motif of the "biblical couple"

For citation

Yakimova L. P. The Image of the New Woman in Leonid Leonov's Novel "The Road to the Ocean". *Critique and Semiotics*, 2023, no. 2, pp. 373–386. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2023-2-373-386

Ко времени создания романа «Дорога на Океан» Леонид Леонов был уже автором романов «Барсуки» (1924), «Вор» (1927), «Соть» (1930), «Скутаревский» (1934), посвященных художественному исследованию «огнедышащей нови» послереволюционной действительности России и отмеченных той глубиной исследовательского проникновения, которая равно исключала как громкий пафос агитационной призывности в духе «Хорошо!» или «Время вперед!», так и ту безбрежность социального нигилизма, которой был вызван бурный поток писательской эмиграции. По признанию самого писателя, роман возник на пике высшего доверия новому строю жизни, что и легло в основу литературоведческой его оценки, сохранившейся до сих пор.

Высокому уровню доверия способствовала возникшая в стране к началу 1930-х гг. общественно-политическая атмосфера: время «реконструкции» и первых пятилеток сопровождалось небывалым размахом социалистического строительства и невиданным подъемом трудового энтузиазма масс, нашедших незамедлительный отклик в литературе. В соответствии с духом времени на передний план литературного процесса выдвигается так называемая производственная проза – от всегда отличающегося мобильностью очерка до склонного к эпической основательности романа. Непрерывным потоком один за другим выходят в свет сначала романы Л. Леонова «Соть» (1930) и «Гидроцентральный» (1930) М. Шагинян, затем «Время, вперед!» (1932) В. Катаева, «Кара-Бугаз» (1932) К. Паустовского, «Энергия» (1933) Ф. Гладкова...

Настоящим флагманом оперативного жанра проявляется в эти годы журнал «Сибирские огни», где кучно публикуются роман И. Гольдберга «Поэма о фарфоровой чашке» и повесть «Главный штрек», «Светлая кровь» А. Коптелова, «Золото» и «Шайтан-поле» П. Петрова, «Концессия» П. Далецкого. Производственная проблематика широко декларируется здесь и на номинативном уровне, подтверждением чего явились «Штукатуры» и «Трубоклады» Н. Кудрявцева или «Огнеупор» Н. Чертановой, и часто ценой тематической актуальности служат художественные достоинства произведения, когда идейный смысл сюжетного конфликта в основном и сводится к разрешению узко производственных противоречий вроде спора героев о лучших способах укладки кирпича, как это и происходит в произведении Н. Кудрявцева.

Инерцией общего взгляда на литературную ситуацию тех лет был захвачен и роман «Дорога на Океан», с ближнего расстояния текущей критики в котором не разглядели черты эпического жанра, соответствующего емкости целой книги. Как и производственный текст, столь же емки и органичны в ней и научно-фантастическое повествование об Океане как стране воплощенной мечты главного героя о будущем, и те исторические экскурсы в прошлое провинциальных городков – Пороженска и Черемшанска, с которыми связаны судьбы главных героев. Но и этим не ограничивается восприятие разнообразия и богатства повествовательной структуры «Дороги на Океан» именно как произведения в специфическом жанре цельной и отдельной книги. Глубоко значим в ней тот повествовательный пласт, который позднее Л. Леонов отнесет к скрытой «инженерии» своих произведений, исходящей прежде всего из «композиции мыслительной, логической» (цит. по: [Платошкина, 1999, с. 479]), что не было

средством ухода от цензуры, а представало органическим средством и неизбывной чертой его творческого стиля.

Стремлением воссоздать в «Дороге на Океан» целостную картину охваченного трудовым энтузиазмом времени объясняется и внимание, уделенное в книге гендерной проблематике, тем вековыми отношениям мужчины и женщины, которые в каждую эпоху приобретают свой вид, характер и окраску, но в силу революционной ломки действительности не только наполняются новым социальным содержанием, но открываются и той глубиной онтологического смысла, которая восходит к поискам высшего назначения человека. Время двигалось вперед такими ускоренными темпами, что гендерный фон 1930-х гг. уже существенно от 1920-х отличался: если 1920-е гг. были по преимуществу миром мужского самосо осуществления, то 1930-е гг. выглядели уже более равновесными. Тенденция маскулинизации всего образа жизни, начиная от внешнего вида до выбора социальной роли, сменяется в поведении женщины стремлением найти достойное место в обществе с сохранением своего природного облика. И надо сказать, что в русской литературе нет произведения, которое бы с такой социально-исторической полнотой, эмоционально-психологической основательностью и художественной глубиной воссоздало бы картину личной жизни человека того стремительного времени.

Средоточием женского мира в книге «Дорога на Океан» является образ главного героя Алексея Курилова – его жизнь, судьба, характер. С одной стороны, Курилов во многом восходит к тому же типу героя, что и Увадьев из романа «Соть». Назначенный начальником политотдела одной из важных магистралей страны, он оказывается наделенным той же мерой государственной ответственности, что и Увадьев: «Хозяйство куриловское становилось огромно; сюда входили заводы, депо, сотни станций; все остальное исчислялось в цифрах со многими нулями. С политической и экономической точки зрения линия продолжалась много дальше, и Алексею Никитичу всегда хотелось побывать на ее истинном конечном пункте» (т. 6, с. 39)¹, и этим истинным конечным пунктом является Океан – страна, где настоящее смыкается с прекрасным будущим. Сближает героев и безграничная преданность делу строительства социализма, и беспредельная вера в неодолимость советского строя, которая приведет к его победе во всем мире.

¹ Здесь и далее цитирование текстов Л. М. Леонова по: [Леонов, 1981–1984] с указанием тома и страницы.

Однако если Увадьев безоглядно решителен в своих поступках и безотступно прямолинеен в суждениях о людях, наглядным подтверждением чемго является его жизненное кредо: «тот, кому может быть хорошо при всяком другом строе, уже враг мне!» (т. 6, с. 270), то Курилов, как человек уже другого времени, преодолевшего «инерцию социального происхождения» (т. 6, с. 57), свободен от крайностей фанатического неприятия человека других убеждений, проявлял, например, способность прислушиваться к размышлениям и бывшего судовладельца Омеличева, не отказываться от родственных отношений и с сестрой Евфросиньей, вышедшей замуж за человека, ратующего за «свободную торговлю». В нем привлекает тот потенциал человечности, который свойственен человеку вообще, человеку как таковому – независимо от социального происхождения и политико-идеологических взглядов – и который магнетически влечет к нему детей и женщин. И неслучайно, после его смерти влюбленной в него женщине вспоминается прежде всего то, как «он призывал жить всех, кто мог» (т. 3, с. 540), и важно, что подчеркивание здесь принадлежит автору книги. Отсюда и органичность глубинной связи гендерной проблематики «Дороги на Океан» с ее центральным образом.

В образном отношении женский мир книги столь же богат, что и мужской: это не только образы трех главных героинь, но образы и второго плана, и внесюжетного характера. Из числа их особенно важен образ Катерины, умершей жены Алексея Курилова. В сюжетном плане, т. е. как действующее лицо, она явлена всего двумя фразами, одну из которых произносит перед самой смертью: «“Эх, Алешка, Алешка...”», – сказала она еще, но уже так тихо, что он догадался о смысле лишь по движению губ» (т. 6, с. 31). В дальнейшем ее образ воссоздается путем памяти и воспоминаний других действующих лиц – самого Курилова, его сестер Клавдии и Евфросиньи, их общих друзей.

Имя Кати относится к числу любимых писателем. Катей зовут ту придуманную Увадьевым девочку, ради счастливого будущего которой происходит грандиозное преобразование России, вершатся невиданного героизма дела. Имя Катеринки носят сразу две героини рассказа «Бродяга» (1928). В «Дороге на Океан» характер Катеринки тоже сформирован предшествующим десятилетием, в ней явственно проступают черты женщины розового времени, той «женщины с ружьем», вся жизнь которой подчинена служению революционному долгу. На вопрос, заданный Курилову, «была ли его жена красивой», он уклончиво отвечает: «Она была добрая... Она была очень честная к людям и всех считала лучше себя. Она

была простая работница. В годы тюрьмы она много сделала для меня и товарищей. Все, кто знал ее, называли ее просто Катеринкой» (т. 6, с. 36).

В этом высказывании Курилова о покойной жене нельзя не почувствовать некой уклончивости, но и она не мешает ощутить определенной стертости личностного начала в характере героини, безликой растворенности в общем деле. Растратив свое здоровье в безоглядном служении высшим целям, сама героиня счастья не ощутила, что щемящей нотой отозвалось в этой предсмертной ее фразе: «Эх, Алешка, Алешка...» Но в их бездетной семье не испытывает полноты человеческого удовлетворения и сам «Алешка», т. е. Алексей Никитич Курилов.

На похороны Катеринки он опоздал, и, оставшись один в пустой квартире, без каких-либо следов женского присутствия в ней после смерти жены, должен был признаться самому себе, что по сути их более чем двадцатилетний брак сохранялся только благодаря общей памяти о героическом прошлом, а бездетная семья держалась лишь на общей верности высоким идеалам молодости: «Болезненной и тихой Катеринки всегда ему было мало. Самое начало их супружества обошлось без любовной игры, без шалостей и излишеств, но зато и без греховной силы, что доставляет первобытную сытость душе» (т. 6, с. 34).

О типичном характере такого рода жизни, отданной борьбе за будущее и служению общему благу, а в силу этого лишаящей человека личного счастья с его «первобытной сытостью души», свидетельствует в «Дороге на Океан» образ родной сестры Курилова – Клавдии, только в отличие от Катеринки, которая «в трудные годы ... всем была и прачка, и повариха, и товарищ, и мать» (т. 6, с. 111), Клавдия Алексеевна Курилова служит не людям, а самой идее Революции. Она принадлежит к такому типу функционеров, которые с 20-х еще годов вошли в молодую советскую литературу под знаковым именем «кожаных курток», но в 30-е годы эта «высокая старуха в кожаном пальто» (т. 6, с. 141) способна вызвать у окружающих уже не только чувство глубокого уважения к ее героическому прошлому с «тридцатью с лишним годами подпольной работы», но и страх перед категорическим императивом ее поведения тем более, что именно ей поручено проведение партийной чистки на Волго-Ревизанской дороге. «Грозной сестры» Курилова остерегаются и закаленные в «порожистом потоке времени» его друзья: «Ой, не любит она меня», – признается Сашка Тютчев. «И меня!» – сказал Табунцов. «И меня...» – с огорчением присоединился Савва (т. 6, с. 110).

Принцип классовой непорочности Клавдия распространяет и на родственные, кровные, семейные отношения: не может простить сестре Евфросинье ее брака с богатым судовладельцем Омеличевым, а на вопрос брата, не получала ли она писем от нее, отвечает: «Не дразни меня, Алексей!».

Как женщина она не избежала крутизны гендерных поворотов в порожистые годы жизни, в том числе моды на маскулинизацию женского образа как видимого знака провозглашенного властью социального равенства полов: так, кроме пристрастия к кожаной одежде, свои волосы она укладывала так плотно, «как будто боялась, что в ней заподозрят женщину» (т. 6, с. 45). Разумеется, она была одинока: жениха ее еще в молодости повесили белые, замуж она не выходила, детей у нее не было. О том, что семья вообще воспринимается ею как помеха в служении идее, свидетельствует ее настороженно заданный брату вопрос после похорон Катеринки: «...будешь жениться?» (т. 6, с. 46). И нельзя не уловить трудно скрываемого ею неодобрения такого мужского поступка в комментирующем вопросе заключения: «Вам не сидится в этом возрасте» (т. 6, с. 46).

Какую-то долю посконно-жизненной правды в настороженных репликах Клавдии отрицать было тем более трудно потому, что действительно обделенный «душевной сытостью» в браке с Катеринкой Курилов после ее похорон вновь ощутил в себе способность испытывать волнующее чувство общения с женщиной как человеком другого пола. Так в мужской мир Курилова вошла Марина Сабельникова.

Если Клавдия и Катеринка отдали свою молодость участию в Революции и Гражданской войне, строительству нового мира, то Марина живет уже в построенном предшествующим поколением обществе и предстает как социальный продукт хорошо отлаженной пропагандистско-агитационной структуры, неотступно внушающей веру в незыблемость нового строя жизни как практического осуществления извечной мечты человечества о справедливости, равенстве и братстве. Более того, несмотря на молодость, притянувшую к ней Курилова своей близостью к возрасту детства, а «детей он любил и с ребятами сходил быстро» (т. 6, с. 33), она уже и сама, работая в пропагандистской группе железнодорожного управления, «скитается из города в город, куда пошлют, разъясняет массам художественную литературу, кино, а также пение» (т. 6, с. 33) и в соответствии с «подобранными работниками» добивается необходимых результатов.

Правда, огорчает ее то, что идеологические постулаты обнаруживают иногда несовпадение с жизненной реальностью, в результате чего трудно оказывается ответить на вопрос, надо ли подавать нищим, напрягает рас-

хождение писателя Джованьоли с политической догмой, в результате чего Спартак, возглавлявший восстание рабов, оказывается князем, трудно понять и Курилова, в своем рассказе о детстве с теплотой вспоминающего дядю, «торговца, имел на базаре лабаз с щепным товаром» (т. 6, с. 132), но в праздники оделял детей мятными, в орешек, пряниками.

В целом создается впечатление прочной социальной и духовной укорененности Марины в новом мире как человека, уверенного в своем праве на жилье, труд, отдых, не испытывающей какой-либо дискриминации в положении матери-одиночки, с надеждой на светлое будущее переносящей испытание еще сохраняющейся в стране бедностью, продуктовым и вещевым дефицитом. Неукоснительная верность Марины сложившимся в соответствии с духом марксистско-ленинской идеологии нормам жизни оборачивается предсказуемостью и ее женского поведения, что скорее отпугивает Курилова, чем притягивает к ней: исходя из невидимой законности в общепринятый поведенческий футляр, она заранее лишает его притягательной силы любовных ожиданий: «Только на одно мгновение он увидел ее глазами любовника, и хотя ни разу не испытывал, как начинается это... он уже знал все наперед. Наверно, Марина будет покорна и трогательна. У нее не будет торжествующих глаз победительницы. Она не спросит его ни о завтрашнем дне, ни о чем. Конечно, она станет стыдиться своего дешевого постиранного белья и голубой майки поверх тела...» (т. 6, с. 35)

Не напрасно полагая, что в случае с Мариной его ждет семейное дежавю, т. е. повторение опыта брачной жизни с Катеринкой, когда тоже «обошлось без любовной игры», словом, без всего того, что «доставляет первобытную радость душе» (т. 6, с. 34), Курилов сохраняет с ней дружеские, по терминологии того времени, товарищеские отношения, тем более что сильнее, чем сама Марина, распахнутостью своей души его привлекает ее сын – семилетний Зямка.

Такой женщиной, способной насытить «первородной радостью» любви, могла бы стать для Курилова Лиза Похвиснева, не оборвись его жизнь смертельной болезнью. Ее образ – один из центральных в «Дороге на Океан», идейно-эстетическая значимость его открывается не только в границах гендерной проблематики книги, но и в воссоздании цельной картины общественно-исторической жизни тех лет, в том числе и в разрешении вопросов онтологической значимости. В отличие от образов Катеринки и Марины образ Лизы связан не только с изображением судьбы главного героя, но и с широким кругом других персонажей, тем самым способствуя

углублению структурной связности всего романного текста. Особенностью текста Лизы Похвисневой в «Дороге на Океан» является его способность создавать читательское ощущение монографической цельности, что в писательской судьбе Л. Леонова закономерно отозвалось сразу же после романа созданием отдельного произведения о судьбе русской женщины в послереволюционные годы – повести «Evgenia Ivanovna».

Если родословие Катеринки и Марины остается читателю неизвестным, они сразу предстают личностями сформировавшимися, что называется «готовыми», то внутренний мир Лизы открывается постепенно, в процессе трудного познания жизни, начиная с голодного детства в провинциальном Пороженске. Известно, что приметной деталью изображения провинциального города России стала в творчестве русских писателей огромная лужа в его центре. В Пороженске ее место занимает овраг, «весь в осыпях и богатырских бурьянах, огромный, как из Библии или сна»: «ничто другое не уживалось здесь, кроме повилики» (т. 6, с. 92). Вот этой внешне безобидной травке – цветочку и уподобляет автор свою главную героиню: «Ее гибкий, беспомощный стебель, подобно недугу, обвивал грубые солдатские тела сорняков» (т. 6, с. 92).

Характер Лизы с детства формируется в отчаянном сопротивлении обстоятельствам. Свою главную цель, а равно и мечту, – вырваться из провинциальной глухомани, избавиться от физических и моральных ужасов нищенского существования, стать актрисой и сыграть Марию Стюарт, о которой много наслышана от незадачливой матери, она реализует с безоглядной как растратой собственных душевных сил, так и полным безразличием к боли других. Так было с первым мужем – актером Ксаверием Закурдаевым, когда благодаря неравному браку с этим старым ловеласом она, достигнув цели оказаться в Москве и войти в ее артистическую среду, почувствует его тягостность и бесполезность и просто «выгонит его, обзвав глухарем и уродом» (т. 6, с. 115). То же произойдет и в браке с известным московским хирургом Ильей Протоклитовым, когда, убедившись в его нежелании окольным путем способствовать ее сценическому успеху, она, сделав подпольный аборт, безжалостно лишит его мечты о сыне.

В отличие от той же Марины, которая послушно встраивается в текущую жизнь в соответствии с логикой господствующих в стране обстоятельств, Лиза жестко подчиняет их своим целям и интересам. Дарованное советской властью право на социальное равенство она понимает узко прагматически, в духе вульгарного социализма и элементарной уравниловки. Когда Илья Протоклитов выражает сомнение в ее способности

сыграть Марию Стюарт при том уровне духовной незрелости и интеллектуальной неразвитости, которые ей свойственны, она жестко возражает: «Суждения твои, конечно, реакционны. Никаких тайн, милый, в этом деле нет. Каждый может написать пьесу, если только он общественник и умница» (т. 6, с. 222).

Оставляя за собой право остаться просто «средним человеком», она, тем не менее, считает себя способной по принципу всеобщего равенства, когда «каждый может», достичь желаемой цели, т. е. сыграть Марию, тем более что, как бы дублируя это расхожее и популистское мнение, ее театральная подруга с охотой приводит «в пример бесталанных актрис, которых сработали их театральные мужья...» (т. 6, с. 173)

Следует, кстати, отметить, что мечта Лизы о роли английской королевы восходит к реалиям культурной жизни 30-х гг.: пьеса Шиллера действительно шла на сцене московского театра, и роль Марии Стюарт блистательно исполняла Ангелина Степанова, жена А. Фадеева.

Через женский вариант человеческой судьбы в образе Лизы Похвисневой Л. Леонов возвращается к поэтико-смысловому воплощению идеи равенства как одного из факторов сквозной для его творческих исканий проблемы назначения человека, ставшей центральной в романе «Вор», а вслед за «Дорогой на Океан» перешедшей в «Русский лес» и «последнюю книгу» писателя – роман-эпопею «Пирамида». Сокрушительную несостоятельность всех попыток достичь общественного благоустройства, минуя природную значимость «колдовской блестинки» в глазах, этой «наиважнейшей ценности бытия» (т. 3, с. 128), что характерно для жизненного поведения героя романа «Вор» Митьки Векшина, подтверждает и поведенческий статус Лизы, паразитирующей при помощи притворной нежности и беспомощности. Знакомство с Куриловым обернулось полным переворотом и жизненной судьбы, и повседневного поведения героини. Впервые рядом с Лизой появился мужчина, от которого ей «ничего не нужно», когда не хочется уподобляться повилিকে, расчетливо опирающейся на силу других, которому она с радостью готова родить ребенка и в общении с которым в ее лексиконе появляется непривычное слово «милый»: «Мне ничего не нужно от вас, милый» (т. 6, с. 404).

Она тяжело воспринимает смерть любимого человека, на какое-то мгновение мелькнет даже мысль о самоубийстве, и она опасливо взглянет в двенадцатизатяжной пролет лестницы, ведущей вниз от порога его квартиры, туда, в этот пролет упадет паяц – игрушка, купленная по дороге к Курилову, но пройдет время, и в ее суждениях о смысле жизни отчетли-

во звучат его интонации: «...когда делаешь себя сама, то даже и ошибки приятны. Все, все находится в себе самом... сердце – это глубже всякой шахты на земле!» (т. 6, с. 554).

Но и для Курилова знакомство и общение с Лизой обернулись такой острой новизной чувств и переживаний, которые многое в прожитой жизни заставили переосмыслить и переоценить. «Подверглись запоздалой переоценке» и двадцать три года Катеринкиной верности, не принесшей радости душевного насыщения, подмененной общей преданностью долгу и работе. Не просто человек, а «человекогора», во власть которого отдана судьба огромного региона, по масштабам своей деятельности равный «громоздкой планете» и посягающий на проникновение в Будущее, он слишком поздно понял, «как оно выглядит, настоящее!» (т. 6, с. 399).

Но почему писатель «умертвил» своего главного и горячо любимого героя? Ответ следует искать в характере эпохи, в литературной политике власти, исходившей из неукоснительных правил теории социалистического реализма. И хотя роман создавался в момент наивысшего доверия Л. Леонова новому строю жизни, это не означало готовности хоть в какой-то степени поступиться первоисходными началами авторской антропологии. И, несмотря на то, что основополагающие тезисы революционной доктрины поверялись условиями уже во многом стабилизировавшегося времени, спада социального экстрима, многое в «Дороге на Океан» заставляло читать ее как книгу о мучительных исканиях русской души по дорогам обрушившегося космоса национальной истории. Главное в «Дороге на Океан» не обличение практики социалистического строительства, а принципиальное расхождение писателя с официальной доктриной понимания человека.

Как практик Курилов предан социалистической идее преобразования жизни, в душе же его далеко не изжито сомнение относительно истинности избранного пути. Несмотря на все усилия стратегов социализма начать создание нового человека с чистого листа, вековечный опыт обживания земли неизменно врывается в текущую повседневность, тысячелетия пройденного пути неизменно просвечивают и проглядывают в его сознании, поведении, внешности: общечеловеческое начало ищет выход из тесных рамок искусственных предначертаний и правил жизни. Никакая самая либеральная критика, тем более цензура, не приняла бы героя, в ранге почти государственного деятеля доверяющего природной изначальности человека больше, чем придуманному свыше проекту, как бы хорош, даже идеален, он ни был, а потому очень многое, что восходит к личной

антропологии главного героя переведено в художественную форму подтекста.

И хотя подтекстовое звучание в равной мере и степени свойственно всему романному нарративу «Дороги на Океан», главным средоточием его являются разнообразные «вводные конструкции» (подробнее об этом см.: [Якимова, 2011]). Некоторые из них, как сказка о белом слоне, рассказанная Куриловым Зямке перед уходом на операцию, стала предметом пристального внимания леоноведов, многие же другие в роли вводных элементов романного повествования до сих пор не опознаны. К числу таких относится вводная сцена любовного свидания двух молодых людей – «парочки», как укоренилась она в сознании Курилова.

Сценка любовной встречи «парочки» проходит через всю книгу, представляя в роли своеобразного композиционного обрамления ее и, как следствие, проявляясь в сильной позиции нарративного финала. Посредством подключения аллюзивно-реминисцентных мотивов библейского характера у читателя создается ощущение неразрывной связи истории с современностью, неискоренимости природных свойств человеческого характера, неподвластности личности воздействию социальных экспериментов: «Изредка набегал ветерок, и лунный свет проливался глубже. Толстый сук над головами молодых казался змием библейского сказания. Шепот сливался с шелестом листвы, и самая парочка становилась листком, гонимой неизбежностью через мир» (т. 6, с. 32). Не лишенный склонности к юмору герой Л. Леонова готов даже «свистнуть, вложив пальцы в рот, что однажды и проделал Господь Бог. Повторилось бы знаменитое изгнание, погасло бы очарование сада, и не они, а сам Курилов стал бы беднее...» (т. 6, с. 32). Образ библейского сада время от времени всплывает в сознании Курилова, не столько усиливая сомнения в возможности «овладения миром посредством чертежа» (т. 6, с. 398), сколько лишая упрямой самонадеянности обмануть человеческую природу.

Многосторонняя развернутость гендерного плана художественной мысли писателя органически смыкается в книге «Дорога на Океан» с темой материнства и детства, что проявляется в разнообразии сюжетных ситуаций – безбрачия Клавдии, бездетности Катеринки, социального положения матери-одиночки Марины Сабельниковой, неизбежного горя Евфросиньи – матери глухонемого Луки, аборта Лизы в браке с Ильей Протоклитовым и ее желания иметь даже внебрачного ребенка от «милого» Курилова. Что же касается темы детства, то, хотя действующим персонажем является один Зямка и в какой-то степени Лука, детей в книге немало:

это сын Курилова из его мечты о будущем Океане: «Сейчас он бы уже был красноармейцем. Он бы мне письма с Океана писал... А кто знает, может быть, и внук прислал бы мне такое письмо» (т. 6, с. 412). Это и не родившийся от Лизы сын Протоклитова, который видится Илье Игнатьевичу как «самое удивительное окно в будущее!» (т. 6, с. 244).

Не склонный к сентиментальности известный хирург не сдерживает перед Лизой рвущихся из него чувств при описании «крохотного человечка, шагающего в ногу с нею по улице» (т. 6, с. 244). Это, наконец, и тот беспризорный воришка Гаврило, которого пригред у себя Курилов в надежде перевоспитать его в строителя нового мира, как удалось ему это в случае с Алешей Пересыпкиным, выросшим в активного пропагандиста социалистических ценностей.

«Я никогда не обманывал детей», – скажет о себе Курилов, но и они привлекают его той непосредственностью восприятия жизни и способностью «черпать из себя», которые и сохраняют его веру в Океан.

Светлая вера главного героя в Океан прекрасного и великого будущего не закрывает авторского видения реальной картины советского детства 1930-х гг. – и негарантированности самого акта рождения ребенка, и сохраняющейся беспризорности, и необходимости детей преодолевать тяготы пайкового распределения жизненных благ, в результате чего семилетнему Зямке ничего слаще сухарика из утаенного запаса тетки вкусить в жизни не удалось.

Прочную укорененность гендерной проблематики в творчестве Л. Леонова подтверждают и последовавшие за «Дорогой на Океан» произведения: и повесть «Evgenia Ivanovna» (1938–1963), с знаковым посвящением жене – «Татьяне Михайловне Леоновой», и одно из самых издаваемых его произведений – роман «Русский лес» (1956), и книга всей жизни – «Пирамида» (1999), где тема женской судьбы, взаимоотношений мужчины и женщины осмыслилась в той же органической связи с общей динамикой социально-исторической жизни России. Но какой бы глубины и выразительности изображения конкретной картины текущей действительности не удавалось достичь, главным оставалось неприятие официальной антропологии, стремление отстоять свою философию человеческой личности, восходящей к ее библейской изначальности и непреходящей памяти о влюбленной «парочке» из райского сада.

Список литературы

- Леонов Л. М.* Собр. соч.: В 10 т. М.: Худож. лит., 1981–1984.
Платошкина Г. Воспоминания о Леониде Леонове // Леонид Леонов в воспоминаниях, дневниках, интервью. М.: Голос, 1999.
Якимова Л. П. Вводный эпизод как структурный элемент художественной системы Леонида Леонова. Новосибирск, Изд-во СО РАН, 2011.

References

- Leonov L. M. Collection of worksю In 10 vols. Moscow, Art literature, 1983. (in Russ.)
Platoshkina G. Vospominaniya o Leonide Leonove [Memories of Leonid Leonov]. In: Leonid Leonov in his memoirs, diaries, interviews. Moscow, Golos Publ., 1999. (in Russ.)
Yakimova L. P. Vvodnyi epizod kak strukturnyi element khudozhestvennoy sistemy Leonida Leonova [An introductory episode as a structural element of the artistic system of Leonid Leonov]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2011. (in Russ.)

Информация об авторе

Людмила Павловна Якимова, доктор филологических наук

Information about the Author

Lyudmila P. Yakimova, Doctor of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 01.02.2023;
одобрена после рецензирования 10.03.2023; принята к публикации 10.03.2023
The article was submitted on 01.02.2023;
approved after reviewing on 10.03.2023; accepted for publication on 10.03.2023*